
ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 323.1

ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В БЕЛАРУСИ

В. В. ШИМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены вопросы национально-языковой политики в современной Республике Беларусь и их влияние на идентичность белорусов. Проанализировано, как изменялось представление о родном языке в белорусском обществе в течение последних 100 лет. Сделан вывод о том, что модель этноязыковой нации, положенная в основу государственного строительства со времен БССР, не отвечает современным культурным и языковым реалиям Беларуси.

Ключевые слова: язык; национальная политика; перепись населения.

LANGUAGE PROBLEM AS A FACTOR OF POTENTIAL POLITICAL INSTABILITY IN BELARUS

V. V. SHIMOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The issues of national and language policy in the modern Republic of Belarus and their impact on the identity of Belarusian people are considered. It is analyzed how the idea of native language in the Belarusian society has changed over the past 100 years. It is concluded that the model of an ethnolinguistic nation, which has been the basis of state building since the time of the BSSR, does not meet the modern cultural and linguistic realities of Belarus.

Keywords: language; national policy; population census.

Образец цитирования:

Шимов ВВ. Языковой вопрос как фактор потенциальной политической нестабильности в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:67–70.

For citation:

Shimov VV. Language problem as a factor of potential political instability in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:67–70. Russian.

Автор:

Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vsevolod V. Shimov, PhD (political science), docent; associate professor at the department of political science, faculty of law.
vs.shimoff@gmail.com

Осенью 2019 г. в Беларуси состоялась очередная перепись населения. Она стала третьей в истории суверенного существования страны – две предыдущие прошли в 1999 и 2009 гг. соответственно. Вокруг переписи кипели нешуточные страсти. В частности, националистическими СМИ и ресурсами была развернута активная агитация за то, чтобы в качестве родного граждане республики указывали не русский, а белорусский язык.

Это неслучайно. Ведь данные переписи 2009 г. зафиксировали существенное снижение востребованности белорусского языка среди этнических белорусов. Во-первых, заметно сократилось число

граждан, определяющих белорусский язык как родной: в 1999 г. белорусский назвали родным 85,6 % людей, идентифицирующих себя как белорусы, в 2009 г. – только 60,8 %. Особенностью языковой ситуации в Беларуси как в 1999 г., так и в 2009 г. был значительный разрыв между числом людей, заявляющих белорусский язык как родной и реально использующих его в повседневном бытовом обиходе (прежде всего в кругу семьи). Так, в 1999 г. заявили, что разговаривают дома по-белорусски 41,3 % белорусов (по-русски – 58,6 %). К 2009 г. доля разговаривающих дома по-белорусски упала до 26 %; доля использующих русский язык возросла до 69,7 %¹.

**Распределение населения
Республики Беларусь по родному языку, %**
**Mother tongue distribution
of the population of the Republic of Belarus, %**

Язык	Год	
	1999	2009
Белорусский как родной	85,6	60,8
Русский как родной	14,3	37
Белорусский как разговорный дома	41,3	26
Русский как разговорный дома	58,6	69,7

Таким образом, зафиксировано значительное сокращение численности людей, не только номинально идентифицирующих белорусский язык как родной, но и практикующих белорусскоязычие в быту. Сокращение доли людей, называющих белорусский язык родным, представляется вполне объяснимым фактом и свидетельствует о крайне неустойчивых и поверхностных представлениях о самом понятии «родной язык». В 1999 г., очевидно, еще сказывались последствия периода белорусизации начала 1990-х гг., когда государственная политика была ориентирована на формирование установки, утверждающей, что родным языком белоруса может быть только белорусский. Снятие идеологического пресса государства в языковом вопросе привело к тому, что к 2009 г. многие русскоязычные белорусы предпочли в качестве родного указать реальный язык повседневного обихода, т. е. русский.

А вот резкое сокращение (с 41 до 26 %) доли употребления белорусского языка в быту вызывает вопросы. Как представляется, 10 лет – недостаточный срок, чтобы привести к столь существенным сдвигам в языковой практике, особенно на уровне домашнего обихода. Отчасти это может быть объяснено естественной убылью старшего поколения сельских жителей, преимущественно использовав-

ших разговорный белорусский язык. Однако здесь наблюдается не только изменение реальной языковой практики, но и сдвиг в восприятии языка. Важным языковым сегментом в Республике Беларусь является трасянка – сельское и отчасти городское (преимущественно среди людей рабочих специальностей) просторечие, включающее многие белорусские диалектные особенности, но отличное от литературного белорусского языка. Переписи не отражают это явление, поскольку носители «трасянки» предпочитают относить ее либо к русскому, либо к белорусскому языку. Как представляется, значительная доля респондентов, заявивших в 1999 г., что общаются дома на белорусском, имели в виду именно трасянку; к 2009 г. многие из них уже заявили, что общаются дома на русском, понимая под этим все ту же трасянку. Причины этого сдвига описаны нами выше: инерция белорусизаторских установок в 1999 г. обуславливала определение трасянки как белорусского языка; к 2009 г. ослабление «идеологического эха» белорусизации и высокий престиж русского языка побуждали идентифицировать трасянку уже в ином качестве.

Кроме того, следует учитывать, что в советское время родным было принято считать язык своей этнической группы, независимо от того, владел или нет человек этим языком в своей повседневной

¹Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Население по национальности и родному языку [Электронный ресурс]. 2009. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.8-0.pdf (дата обращения: 11.12.2019).

жизни. В 2009 г. вопрос о родном языке был переформулирован в соответствии с международными нормами, согласно которым родным считается первый усвоенный в детстве язык. Очевидно, такая формулировка также сыграла свою роль в резком падении числа респондентов, назвавших белорусский язык родным. В ходе нынешней переписи она была сохранена.

Нельзя забывать, что переписи населения в значительной мере являются не столько инструментом объективного отражения социальной реальности, сколько ее конструирования. Они отражают идеологические установки и запросы государства и даже отдельных переписчиков, поэтому их результаты следует оценивать критически. Так, первая организованная перепись населения на территории Беларуси состоялась в 1897 г. в составе Российской империи. Она зафиксировала, что основным языком населения являлся белорусский, правда, интерпретировала его как диалектную разновидность русского языка, наравне с великорусскими и малорусскими диалектами. Советская перепись 1926 г. проходила в атмосфере «коренизации» и «борьбы с русским великодержавным шовинизмом» и исходила из того, что белорусы и украинцы являются отдельными народами, а переписчики нередко «корректировали» ответы респондентов в идеологически «правильном» ключе, если те вдруг называли себя русскими или малороссами. В частности, в инструкции для переписчиков 1926 г. утверждалось: «Для уточнения записи об украинской, великорусской и белорусской народностях в местностях, где словом “русский” определяют свою народность представители трех этих народностей, необходимо, чтобы лица, называющие при переписи свою народность “русский”, точно определяли, к какой именно народности: украинской, великорусской (русской) или белорусской они себя причисляют; записи “русский” и “великоросс” считаются тождественными»².

В целом налицо тенденция, когда понятие «родной язык» все больше ассоциируется с реальным языком повседневного бытового общения, а не с титульным языком нации. Формула «белорусский язык – родной язык белорусов» перестает быть актуальной: многие русскоязычные белорусы, с раннего детства использующие русский язык в качестве основного средства общения, именно его, а не титульный белорусский, указывают в качестве родного.

Если тенденция сохранится, то новая перепись может обнаружить еще большее количество бело-

русов, называющих русский язык родным. Языковой вопрос остается открытым и потенциально конфликтным для Беларуси. Белорусский национальный миф является этническим и языковым, он основан на убеждении, что белорусская нация как политическая общность зиждется на особой культуре и языке. Без языка нет нации – это символ веры белорусского национализма.

В рамках белорусского национального мифа преобладание русского языка в бытовом обиходе, а также сам его статус государственного языка (наравне с белорусским) видятся как ненормальное, противоестественное состояние, а итоги референдума 1995 г., когда граждане высказались за предоставление русскому и белорусскому языку равного статуса, воспринимаются как результат «манкуртизации» белорусов, забвения ими своих национальных корней. Соответственно, миссия националистов – это возрождение подлинной в их понимании национальной культуры и идентичности, основанной исключительно на белорусском языке.

Следует отметить, что государственная языковая политика строится, по сути, на той же этнической концепции. Русский и белорусский языки по Конституции имеют абсолютно равный статус, поэтому неправильно говорить, что русский в Беларуси – второй государственный. Законы не определяют, какой язык первый, а какой второй и что из этого следует. Однако по факту действительно обеспечивается символический приоритет белорусского как титульного и национального. Это выражается в ряде таких «мелочей», как абсолютное преобладание белорусского языка на уличных указателях и дорожных знаках, латинская транслитерация имен и фамилий в паспортах по умолчанию с белорусского (Uladzimir вместо Vladimir, Dzianis вместо Denis, Sidarau вместо Sidorov и т. п.), отсутствие русского языка на национальной валюте и т. п. Объявления в транспорте делают преимущественно на белорусском (в последнее время – с добавлением английского, но без русского). Еще одна новация – транслитерация топонимов и названий улиц на русский с белорусского языка. В результате в русскоязычном обиходе появляются такие курьезы, как улица Гаспадарчая (Хозяйственная), Першамайская (Первомайская), Перамоги (Победы), Будавников (Строителей) и т. п.³ Весь этот комплекс мер зачастую называют «мягкой белорусизацией», которая заключается в повышении символического статуса белорусского языка и расширении его присутствия в общественной жизни, но без открытых ограничений в отношении русского.

²Пояснительные замечания и инструкционные указания. Всесоюзная перепись населения 1926 г. // [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/arxiv04.php> (дата обращения 27.02.2020).

³Закон Республики Беларусь о наименованиях географических объектов. Статья 17. Язык наименований географических объектов // [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_naimenovaniyah_geograficheskikh_ob_ektov/17.htm (дата обращения 11.12.2019).

Однако белорусские националисты считают все эти меры недостаточными, указывая на то, что пока русский язык остается в Беларуси государственным, он все равно будет «глушить» и вытеснять белорусский. Своя логика в этом есть. Действительно, исторический опыт показывает: «малые» языки, оказавшиеся в тени «больших», как правило, ассимилируются последними, особенно в случае их близкого родства. Именно поэтому практически все малые нации, отделившиеся от империй, проводили последовательную политику административной дискриминации и вытеснения бывшего «имперского» языка, нередко с депортациями и геноцидом его носителей. Так, становление чешской нации сопровождалось ограничениями и притеснениями немецкоязычного населения, что дало повод Гитлеру для вторжения в Чехословакию. Итогом стала тотальная депортация судетских немцев. По тем же причинам прибалтийские государства сначала избавились от немецких элит, а сегодня ограничивают права русскоязычного населения. Понятна с этой точки зрения и жесткая языковая политика Украины, где в русском языке и культуре видят опасного конкурента. В этом свете показательно признание заместителя министра информации Украины Д. Золотухина, что, несмотря на все жесткие меры по ограничению русскоязычного контента, сегодня русскоязычная массовая культура (в частности, музыкальная) однозначно выигрывает по сравнению с украинской [1]. «Малым» языкам действительно сложно конкурировать с «большими» без создания для них тепличных условий со стороны государства, что так или иначе предполагает ограничения и дискриминацию в отношении языка-конкурента, но даже это далеко не всегда помогает.

В случае с Беларусью и Украиной ситуация усложняется тем, что само обособление местных диалектов в отдельные литературные языки имеет спорный и неочевидный характер. Если в случае с чехами или коренным населением Прибалтики глубокое этноязыковое отличие от доминирующих имперских элит было очевидно, то в царской

России белорусское и украинское население причислялось к «господствующему» русскому этносу, а сам дискурс об угнетении белорусов и украинцев со стороны русских было весьма проблемно обособлять. Близость белорусских и украинских диалектов к русскому литературному языку, а также общая литературная традиция, восходящая к временам Древней Руси, делали сомнительной необходимость национально-языкового обособления этих территорий от России, и местным националистам приходилось действовать в постоянном противоборстве со сторонниками идеи общерусского единства. Ситуация изменилась после Октябрьской революции, когда доктрина триединого русского народа была объявлена «шовинистической», а вся культурная и гуманитарная сфера в Беларуси и в Украине была отдана в руки националистически настроенной интеллигенции.

Несмотря на это, успехи национально-языкового строительства оказались скромными. Если в Украине украинский язык и идентичность все-таки удалось внедрить в повседневный обиход и сознание жителей преимущественно аграрных центральных и западных областей, то в Беларуси, пережившей масштабную индустриализацию и урбанизацию, белорусский язык так и не вышел за рамки узкой прослойки гуманитарной интеллигенции, а население, мигрируя в города, стихийно перестраивалось с сельских говоров на русский литературный язык.

Сложные социальные процессы, однако, так и не были осмыслены. В основе национальной политики Республики Беларусь по-прежнему лежит советская этноязыковая схема, полностью противоречащая реалиям русскоязычного городского общества. Национальное ассоциируется исключительно с белорусским языком, создавая у русскоязычных граждан своего рода комплекс вины за использование якобы «чужого» языка и забвение «национальных корней». В перспективе это чревато серьезным обострением и политизацией национально-языкового вопроса, а также дестабилизацией в республике общественно-политической обстановки.

Библиографические ссылки

1. Глуховський М. Російський YouTube – тиха окупація. *Главком* [Интернет]. 2019 [процитовано 11 декабря 2019 г.]. Доступно по: <https://glavcom.ua/country/culture/tiha-okupaciya-rosiyskiy-youtube-zbroya-masovogo-urazhennya-618429.html>.

References

1. Gluhovs'kij M. [Russian YouTube is quiet occupation]. *Glavcom* [Internet]. 2019 [cited 2019 December 11]. Available from: <https://glavcom.ua/country/culture/tiha-okupaciya-rosiyskiy-youtube-zbroya-masovogo-urazhennya-618429.html>. Ukrainian.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2020.
Received by editorial board 28.02.2020.